

ИЗЪ АРХИВА АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЛАВРЫ.

За время царствованія императора Петра Великаго. Томъ второй, 1717—1719.

Этотъ капитальный трудъ, изданный просвѣщеннымъ настоятелемъ Лавры митрополитомъ Антоніемъ, трудъ даровитаго доктора церковной исторіи Степана Григорьевича Рункевича, заслуживаетъ полного вниманія и особенной похвалы. Въ предисловіи указывается, что второй томъ описанія Лаврскаго Архива относится ко времени царствованія державнаго основателя Лавры—Петра I и содержитъ въ себѣ богатый матеріалъ, характеризующій время расцвѣта въ лаврской исторіи и періодъ наибольшаго значенія Лавры, какъ центра церковно-административной дѣятельности всей Россіи.

Въ это время особенно выдается личность архимандрита и хозяина Лавры, Феодосія Яновскаго, большого пріятеля князю Меншикову, отъ котораго въ лаврскомъ архивѣ сохранилось нѣсколько писемъ.

Діаконъ „учинившій смертное убійство надъ женою своею Дарьею“, при допросѣ въ С.-Петербургской гварнизонной канцеляріи показалъ, что, находясь на леченіи отъ „Французской“ болѣзни, полученной отъ жены, жилъ онъ въ „гварнизонѣ“, на квартирѣ у солдата, въ банишкѣ. 27 Января жена его ходила въ гости на Васильевскій островъ, къ своей сестрѣ Лукерѣ, проживавшей въ кормилицахъ, и возвратилась отъ нея вечеромъ пьяная. Онъ не былъ пьянъ, сидѣлъ въ банюшкѣ и поролъ ножемъ свой полукафтанишко. По возвращеніи жены онъ напомнилъ ей объ украденныхъ ею у священника Григорья Иванова, гдѣ они прежде жили, двухъ рубашкахъ и совѣтовалъ эти рубашки отнести къ священнику; но Дарья настаивала, чтобы самъ діаконъ

отнесъ ихъ. Онъ началъ ее за это бранить; жена отвѣтила ему тѣмъ же; тогда онъ „не утерпѣлъ“, махнулъ ножемъ и „поколolz“ жену въ ногу одинъ разъ, больше никакъ ея не билъ, причемъ и одинъ ударъ нанесъ „не съ умышленія“. Оправдывая себя, діаконъ обвинялъ жену въ блудной жизни, на что онъ ранѣе жаловался духовному отцу ея, священнику Григорію Иванову.

„Допросныя рѣчи“ діакона, равно какъ и самъ онъ, по приказанію „высококняжей свѣтлости“, были отправлены къ игумену Кіевскаго Михайловскаго монастыря и намѣстнику Невскаго Варлааму съ тѣмъ, чтобы за убійство съ нимъ было поступлено согласно правиламъ святыхъ отецъ. Но такъ какъ на допросѣ въ монастырской канцеляріи діаконъ показалъ, что хиротонисанъ въ Великомъ Новѣгородѣ митрополитомъ Іовомъ, то все дѣло о немъ изъ Невской канцеляріи было препровождено въ Новгородъ къ Аарону, епископу Корельскому и Ладожскому. Сопровождавшимъ діакона лицамъ была дана записъ для свободнаго прохода по заставамъ. 28 Февраля колодникъ былъ принятъ въ Новгородъ, въ архіерейскій разрядъ.

Въ числѣ лицъ прикомандированныхъ къ лаврскимъ дѣламъ былъ капитанъ Сбруевъ. Въ 1717 г. онъ обвинялся въ томъ, что изорвалъ договорное письмо разсыльника Подчищалова и вдовы Григорьевской изъ с. Волдая о продажѣ двора; но капитанъ оправдывался тѣмъ, что онъ сдѣлалъ это потому, что оно „у нихъ межъ себя учинено было въ пьянствѣ подлогомъ“, а имъ, капитаномъ, издавна данъ приказъ, „дабы обыватели его вѣдѣнія въ пьянствѣ никакихъ продажъ не чинили и писемъ не составляли, понеже въ томъ отъ пьянственныхъ случаевъ чинятся многое смятеніе и ссоры“. Вышеназванный разсыльщикъ, по словамъ капитана, не крѣпостной, — воръ („кралъ житницы, за что всенародно вмѣсто кнута бить батоги нещадно“), и вѣрить его „ложному челобитію не довелось, не въ указъ вашему господству (архимандриту Θεодосію съ братіей) буди“. На допросѣ вдова сказала, что она дѣйствительно „была непомѣрно хмельна“, а двора въ с. Валдаѣ у разсыльщика никакого не осталось, такъ что и выгонять изъ него солдатскую жену она не могла.

Въ другой отпискѣ капитанъ Сбруевъ писалъ, что онъ наказалъ „безъ пощады“ нѣкоторыхъ изъ Боровицкихъ крестьянъ „за ослушаніе“ царскаго и архимандрита Θεодосія указовъ. Этими указами велѣно было крестьянамъ приобрѣтать государеву соль въ Твери и продавать ее на мѣстѣ у себя по Тверской цѣнѣ съ прибавкой только стоимости провоза; для завѣдыванія же продажею велѣно было выбрать „добраго“

цѣловальника, которому можно бы было довѣрить это дѣло. Крестьяне, хотя и выбрали въ цѣловальники Ивана Шарка и дали ему „за руками“ выборъ, но, спустя немного времени, нѣкоторые изъ этихъ же крестьянъ силою отняли у Шарка выборъ, ругали его и говорили: „кто-де и билъ челомъ о вышесзначенной соли, и того бы-де кнутомъ“. Шарокъ подалъ на ослушниковъ доношеніе Сбруеву, а сей послѣдній и учинилъ зачинщикамъ наказаніе безъ пощады. Цѣловальникомъ, на мѣсто Шарка, былъ выбранъ послѣ этого „добрый, правдивый, прожиточный и не пьяница“ крестьянинъ того же села Боровичъ, Яковъ Ефимовъ.

8 Января 1718 года бобыль Старорусской Кукуевской слободы Василій Еремѣевъ билъ челомъ на маіора Коптева въ томъ, что онъ въ Апрѣлѣ 1717 года, самовольно, своими дворовыми людьми вырылъ въ саду его, челобитчика, 40 большихъ яблонныхъ деревьевъ и перенесъ въ свой садъ. Самъ челобитчикъ былъ въ это время боленъ, близъ смерти, а на просьбу жены не разорять ихъ, такъ какъ „оныя яблони кормили ихъ съ дѣтства“, Коптевъ отвѣтилъ угрозою побить его палкою, а жена маіора Елена Иванова, завязавъ 4 рубля въ платокъ, насильно положила ихъ просительницѣ за пазуху. Челобитчикъ просилъ допросить Коптева и велѣть ему возратить яблони или взыскать съ него ихъ стоимость, при чемъ добавилъ, что „Старорусскій посадскій Ѳедоръ Сумровъ“ за оныя деревья давалъ ему 20 рублей, и онъ не продалъ „для того, что онъ изъ того своего сада кормился съ женою и дѣтми“. На допросъ отвѣтчикъ представилъ свидѣтелей и въ числѣ ихъ князя Ивана Мещерскаго; но истецъ отвелъ ихъ: двухъ, какъ уличенныхъ воровъ, а князя и другихъ, какъ „хлѣбосольцевъ Коптева, и за одно съ нимъ подъ дубье подрядчиковъ“. 27 Марта постановлено: „велѣть маіору Коптеву оныя яблонныя деревья изъ огорода своего отдать ему, Василью; по прежнему безъ всякаго отлагательства, или удовольствовать цѣною, дабы впредь отъ него челобитья не было“.

Въ Александрo-Невскій монастырь былъ препровожденъ „для исправленія“ безумный солдатъ Никита Сосновъ. Его болѣзнь въ препроводительномъ указѣ изъ расправной палаты (въ ней онъ, раненый, былъ для караула и посылокъ) описана такъ: „въ Мартѣ оный солдатъ лежалъ боленъ и въ той болѣзни волею Божіею обезумѣлъ и донинѣ въ безумствѣ людей не знаетъ и многихъ бьетъ“. Въ челобитной 9 Августа, прося вернуть его въ расправную палату, онъ говорить о своемъ положеніи: „присланъ я 16 Іюня въ Невскій монастырь для исправленія ума и съ того числа держусь на работѣ скованъ и

до днесъ и помираю голодомъ, а безумія нынѣ никакого нѣтъ“. „Приставникъ“ (онъ же называется „нарядчикъ“) сказалъ, что солдатъ Сосновъ съ 16 Іюня съ прочими монастырскими работниками всякую работу работалъ, „а никакого за нимъ безумія не видалъ и съ людьми ни съ кѣмъ не бранится и не дерется“. Возвращень.

Дѣло объ ограбленіи монастырскимъ служителемъ Кошкинымъ жены солдата Преображенскаго полка Никифора Гаевского очень характерно въ бытовомъ отношеніи.

Гаевскій доносилъ архим. Θεодосію, что 10 Авг. 1718 г. онъ Гаевскій былъ съ своей женой и съ тремя сосѣдами и ихъ семействами въ Ямской Московской слободѣ для гульбы. По домашней своей нуждѣ пришлось ему челобитчику ранѣ другихъ возвратиться домой; когда же послѣ него возвращалась изъ слободы его жена и немного поотстала отъ своихъ спутниковъ, набѣжалъ на нее какой-то человекъ, который билъ ее смертнымъ боемъ дубиною, кулаками и топтунками, давилъ за горло и билъ по щекамъ, и при этомъ взялъ съ нея грабежомъ оловянную цѣпочку съ крестами, сорвалъ съ нея разныя вещи, серьги, перстни и отнялъ деньги. Ограбивъ жену, незнакомецъ волокъ ее къ Черной рѣчкѣ, желая, обезчестивъ, убить ее. Жена его едва вырвалась и убѣжала и теперь лежитъ больная. Гаевскій предполагалъ, что ограбилъ и побилъ его жену служитель Яковъ Кошкинъ, такъ какъ нѣкоторыя изъ ограбленныхъ вещей были опознаны на одномъ солдатѣ Бѣлозерскаго полка, а послѣднему были заложены Кошкинымъ. Процессъ разслѣдованія этого дѣла былъ обычный: сначала произведенъ осмотръ пострадавшей, затѣмъ допрошенъ обвиняемый и, наконецъ, допрошены свидѣтели. Кошкинъ, съ рѣшительностью отрицавшій обвиненіе, при допросѣ 28 Августа принесъ повинную въ ограбленіи и изнасилованіи Гаевской. Въ канцеляріи составлена была выписка изъ дѣла и приведена на справку закона, но рѣшенія не состоялось, такъ какъ Гаевскій въ Ноябрь того же года договорился взять съ Кошкина 12 рубл. и впредъ на него ни о чемъ не быть челобитчикомъ.

Тяжелое положеніе монастырскихъ крестьянъ обрисовывается всего лучше въ ихъ жалобахъ.

Такъ 25 Ноября крестьяне Низина били челомъ, что они наряжены, по подводѣ съ двора, переправить провіантъ для Кіевскаго полка изъ Ильинскаго погоста до деревни Вали, но урядники и солдаты прогнали ихъ съ провіантомъ отъ той деревни до Тихвина, а помощи имъ выдано отъ мірскихъ людей всего по 30 алт.; когда же они сдавъ

провіантъ, поѣхали въ свои дома (иные по р. Сяси, а иные прямою дорогою, кому куда путь надлежитъ) урядники и солдаты, невѣдомо ради какого умысла, пріѣхавъ въ ихъ село, били и увѣчили ихъ и взяли грабежомъ, три лошади на Тихвину съ собой согнали. Головачевъ распорядился села Низина приказчику ѣхать на Тихвину для разслѣдованія нарочно, да впредь приказчику ѣздить въ Ладугу почасту и всякихъ нарядовъ усматривать, а буде какіе наряды учинять излишніе безъ повѣрки, и ему о тѣхъ нарядахъ спорить, и во всемъ монастырскихъ крестьянъ отъ излишнихъ нарядовъ оберегать.

Въ числѣ приписанныхъ къ Александрo-Невской Лаврѣ былъ Никольскій Ладожскій монастырь. Обитель была основана въ память побѣды Александра Невскаго надъ Шведами въ XIV вѣкѣ. Экономическое положеніе его было незавидное. Во время приписки къ Александрo-Невскому монастырю въ немъ было 3 іеромонаха, 1 іеродіаконъ (онъ же и строитель) и 8 монаховъ. Іеромонахи получали по 2 р. 16 алт., іеродіаконъ-строитель и монахи—по 2 р. Всего дохода монастырь получилъ въ 1717 году—229 р., а израсходовалъ—221 рубль¹⁾. До строителя Германа монастыремъ управлялъ іеромонахъ Іовъ. Въ 1715 году казначей Варлаамъ, посылая въ Александровъ монастырь пудъ чесноку и въ кореньяхъ хрѣнъ, доносилъ, что онъ живетъ въ Николаевскомъ монастырѣ, какъ овца среди волковъ и что отъ несмотрѣнія строителя Іова въ монастырѣ явились безпорядки: „по кельямъ живутъ бабы и робята рожаютъ“... Вслѣдствіе этого доноса и назначили Германа строителемъ, а Іова устранили, при чемъ ему указано было пріѣхать въ Александрo-Невскій монастырь. Іовъ уѣхалъ, но не въ Петербургъ, а въ Александрo-Свирскій монастырь, откуда Германомъ былъ взятъ и за карауломъ доставленъ по назначенію 13 Апрѣля 1715 года²⁾):

Но и Германъ оказался не лучше Іова. Братія Николаевскаго монастыря въ 1717 году доносила Феодосію, что къ строителю Герману крылошанинъ Ивановскаго (Ладожскаго) монастыря монахъ Тарасій „приходилъ почасту, и пили многіе дни“. 27 Ноября былъ онъ, строитель, съ монахомъ Тарасіемъ да дьякономъ Тимоеемъ Ивановымъ, были у игуменьи Сусанны „въ гостяхъ на Званкѣ, и монахъ Тарасей тамъ, на Званкѣ у игуменьи, опился, и онъ, строитель, того опившагося монаха ночью къ себѣ велѣлъ привести въ монастырь и, не взявъ похоронной, чтобъ игуменѣ въ пени отъ архіерея не быть, велѣлъ

¹⁾ Описан. Архива, т. I, столб. 116.

²⁾ Тамъ же, столб. 531.

въ церкви отпѣть и погребсти въ Николаевскомъ монастырѣ“. И казначей, монахъ Онуфрій (сбѣжавшій) билъ съ строителемъ и дьякономъ „непрестанно, а въ расходныхъ денежныхъ книгахъ писалъ дьяконъ, будто рыбы и икры покупано, oprичь покупки Ильменской рыбы, множество напрасно“... „И велѣлъ было онъ, строитель, намъ къ тѣмъ книгамъ руки прикладывать въ кельѣ своими руками... Да и многие есть въ тѣхъ книгахъ у нихъ неправыя статьи“. „Не токмо Субботы и Воскресные дни безъ литургіи проходили, Ѳомино Воскресенье, въ прїѣздъ царевны Маріи Алексѣевны, и Вознесенье, и царское тезоименитство св. ап. Петра и Павла и пророка Ильи, остались безъ литургіи“. Братія просила перемѣнить строителя, при чемъ были приложены сказки монастырскихъ служителей о томъ, какъ крестьянинъ на „Страшной“ курилъ вино на строителя, а дьячокъ это вино ему привозилъ..

По этому дѣлу былъ розыскъ. Изъ допросовъ выяснилось, что строитель Германъ обвинялся въ томъ, что „билъ дубиною“ крестьянъ, „въ оржаное жатье на монастырской работѣ безвинно, роскрутя, въ однѣхъ рубашкахъ, плетми билъ крестьянскихъ женъ“; перемѣнилъ безъ мірскаго приговора старосту, не давалъ овса на сѣмена тѣмъ, кто „не подносилъ ему вина“; „по вся мѣсяцы пива по двѣ вари варилъ“ „безпросыпно упивается“; у житеннаго монаха Леодора взялъ овчинную шубу подъ сукномъ однорядочнымъ, голубого цвѣта, и вымучилъ 3 руб.; билъ казначея Елисея въ кельѣ за то, что монастырскую житницу запечаталъ не печатью, перстомъ и за одинъ пробой; казначея Маркела билъ за непокупку вина.

22 Декабря 1718 г. возникло дѣло объ архим. Тихвина монастыря Рувимѣ, присланномъ подъ началъ къ архим. Ѳеодосію. Дѣло это важно тѣмъ, что оно обратило на себя вниманіе самого царя.

На первоначальномъ допросѣ Рувимъ показалъ. Родился онъ въ Польской странѣ, въ Волинскомъ городѣ Острогѣ; отецъ его Иванъ Михайловичъ Гурскій—шляхта того города; помѣстье его—с. Лутчины, въ Острожскомъ уѣздѣ. Лѣтъ 30 назадъ, мать его Евдокія Иванова съ мужемъ своимъ по обѣщанію разсталась и постриглась въ Кіевѣ въ Вознесенскомъ монастырѣ; она взяла съ собою и его, Рувима, имѣвшаго тогда 8 лѣтъ, и отдала въ Кіевѣ въ Софійскомъ монастырѣ казначею Григорію Гошкевичу „за хлопца“. Жилъ онъ у него лѣтъ 9. По царскому указу о. Гошкевичъ взятъ былъ къ Москвѣ „для ученія Латинскихъ школъ“, и Рувимъ былъ въ Москвѣ при немъ. И посланъ былъ отъ него ради его келейныхъ нуждъ въ Софійскій монастырь къ

преосвященному митрополиту Варлааму и въ то время постриженъ митрополитомъ, по обѣщанію своему, въ мнишескій чинъ въ рясу, а затѣмъ вернулся въ Москву и жилъ на прежнемъ положеніи съ полгода. По указу Государя о. Гошкевичъ съ прочими учителями посланъ былъ для проповѣди Слова Божія въ Сибирь, и Рувимъ остался въ Москвѣ и жилъ у Иконнаго ряда въ Спасскомъ монастырѣ у префекта Рафаила Краснополскаго. Изъ Спасскаго монастыря Рафаилъ былъ переведенъ во архимандриты въ Симоновскій монастырь; здѣсь Рувимъ постриженъ былъ Рафаиломъ въ мантию и преосвященнымъ Антоніемъ, епископомъ Коломенскимъ, посвященъ во іеродіаконъ. Затѣмъ Рафаилъ посвященъ былъ во архіепископа на Холмогоры, Рувимъ нѣкоторое время былъ при немъ на Холмогорахъ, и затѣмъ отпущенъ, вернулся въ Москву и „присталъ“ къ Каллисту, архіепископу Тверскому; отъ него посвященъ во іеромонахи и посланъ въ Кашинъ въ его архіерейскій домовый Духовъ монастырь въ строители. Жилъ тамъ 2¹/₂ года. По смерти архіепископа Каллиста, по челобитью города Городецка посадскихъ людей и помѣщиковъ, преосвященнымъ Іовомъ, митрополитомъ Новгородскимъ посвященъ во игумены Городецкаго уѣзда въ Добрынскую пустынь. Здѣсь былъ также 2¹/₂ года. По смерти митрополита Іова преосвященнымъ Аарономъ, епископомъ Корельскимъ и Ладожскимъ, переведенъ въ Тихвинскій монастырь и живетъ въ томъ монастырѣ другой годъ, „о чемъ у него, Херувима, свидѣлствуютъ архіерейскія грамоты“. Въ Октябрѣ 1718 года пріѣхалъ онъ изъ Тихвина въ С.-Петербургъ съ вѣдома преосвященныхъ Стефана, митрополита Рязанскаго, и Аарона, епископа Корельскаго, отъ которыхъ даны ему указы для прошенія отъ Царскаго Величества о монастырскихъ нуждахъ, о чемъ уже подана въ Губернской Канцеляріи челобитная. Онъ привезъ съ собою изъ монастыря образъ Пресвятыя Богородицы, нарицаемыя Геосиманія, который имѣетъ для своего моленія, „а написанъ и обложенъ тотъ образъ монастырскимъ иждивеніемъ“. 7 Декабря пополуночи, незадолго до дня, пришелъ къ нему Его Царскаго Величества деньщикъ и просилъ по его обѣщанію отпѣть молебенъ образу Пресвятыя Богородицы, нарицаемому „Тихвинскія“. И онъ передъ вышепомянутымъ образомъ молебенъ пѣть началъ. И того жъ часа изволилъ къ нему прибыть Его Царское Величество и, тотъ образъ взявъ, послалъ въ соборъ Святыя Троицы, а онъ, Рувимъ, отданъ подъ караулъ въ С.-Петербургскую крѣпость, а изъ крѣпости присланъ въ Александроневскій монастырь. Будучи въ Петербургѣ, у себя на подворьѣ, кромѣ деньщика, другимъ никому молебновъ не пѣвалъ и съ образомъ въ дома ни къ кому не ѣзживалъ, запрещенія ему отъ архіереевъ возить съ собою святыя образа не было: другихъ духовныхъ пріѣзжихъ съ

образами въ Петербургѣ не знаетъ, только „за Малою Невкою, въ Сампсоновскомъ приходѣ, есть въ домѣ нѣкотораго провіанта образъ Знаменія Пресвятыя Богородицы, обложенъ серебромъ, и того-де дому хозяинъ называлъ тотъ образъ чудотворнымъ, передъ которымъ молебствуютъ прочіе повседневно“, а точно указать лицъ и дворъ не можетъ, потому что былъ тамъ только однажды въ 1717 году „по зову того дома хозяина и служилъ въ церкви Самсона Страннопріимца по умершихъ того дома родителейъ литургію. А вѣдаетъ-де про тотъ образъ подлинно и тотъ дворъ знаетъ Андрей Силинъ сынъ Култашевъ, который пребываетъ при дворѣ Царскаго Величества“.

Ѳеодосій въ Январѣ 1719 писалъ въ Новгородъ Корельскому епископу Аарону, что, не смотря на запрещеніе, Рувимъ паки явился въ Петербургъ и живетъ болѣе двухъ мѣсяцевъ и по прежнему дѣлаетъ то, что ему было запрещено. Далѣе въ письмѣ говорится, что объ этомъ узналъ Царь и, пріѣхавъ на подворье, засталъ Рувима въ ономъ же запрещенномъ дѣлѣ. „И привезъ онаго въ свой государевъ домъ со иконою великою въ кивотѣ и объявилъ министрамъ, которые присовѣтовали взять онаго въ крѣпость и разыскать, для чего онъ такіе тайные соборы въ православномъ и свободномъ въ вѣрѣ и молитвахъ государствѣ дѣлаетъ и людей Божіихъ обольщаваетъ. При которомъ онаго архимандрита случаѣ было немалое негодованіе Царскаго Величества на васъ и на меня: на васъ, для чего такого плута и лъстеца послали въ такой монастырь настоятелемъ и для чего безъ вашего вѣдѣнія волочится безвременно, а на меня,—для чего такимъ плутомъ и лъстецамъ указомъ Царскаго Величества не запрещаю и даю волю. Того ради извольте ко мнѣ отписать обстоятельно, какимъ случаемъ онъ посланъ въ Тихвинъ монастырь и за вашимъ ли позволеніемъ волочился, дабы я имѣлъ что донести Царскому Величеству, понеже такъ мнѣ отъ Его Величества повелѣно“.

Преосв. Ааронъ отвѣчалъ, что непристойностей за Рувимомъ никакихъ не вѣдалъ, а уѣхалъ онъ въ Петербургъ для челобитья о спрашиваемыхъ съ монастырскихъ слугъ и служебниковъ за провіантъ денегъ до 500 рублей, наносящихъ тому монастырю великое отягощеніе.

Все дѣло заканчивается доношеніемъ Ѳеодосія: „Сіятельнымъ господамъ, высокоправительствующему Сенату изъ Троицкаго Александро-Невскаго монастыря доношеніе. Въ прошломъ 1718 году Декабря въ 29 д., по именному Царскаго Величества указу присланъ изъ С.-Петербургской крѣпости въ Невскій монастырь подъ началь Тихвина монастыря архим. Рувимъ (который изъ помянутаго мона-

стыря прїѣзжая въ С.-Петербургъ съ иконою. дѣлалъ тайные соборы въ православномъ и свободномъ въ вѣрѣ и молитвахъ государствѣ, и людей Божіихъ обольщевалъ для своея корысти). И по тому Царскаго Величества указу оному Рувиму въ Невскомъ монастырѣ было объявлено, чтобъ ему безъ благословенія настоятельскаго изъ монастыря никуда не отлучаться. А въ Августѣ мѣсяцѣ сего 720 года безъ благословенія настоятельскаго былъ онъ, Рувимъ, въ С.-Петербургѣ и за презрѣніе онаго указа отданъ былъ подъ караулъ лейбъ-гвардіи отставнымъ капралу Максиму Яковлеву въ солдаты.

„А сего Октября 11-го дня по извѣту помянутаго капрала оный Рувимъ изъ-за караула ихъ бѣжалъ. А въ примѣты онъ, Рувимъ, возрастомъ ниже средняго человѣка, власы свѣтло-русые, по концамъ курчеваты, брода свѣтло-русская мало широка, въ лицѣ кругль, курнось, глаза малосѣры въ ямѣ, рѣчь Черкасская, голосъ тонкій. И о сыску онаго утеклца по губерніямъ указомъ Царскаго Величества дабы учинено было по разсмотрѣнію Правительствующаго Сената“.

Въ числѣ разныхъ дѣлъ находится исковое съ Шлиссельбургскаго священника Петра Георгіева, причемъ взысканіе было приказано произвести въ Ноябрь священнику Василью Андрееву. О. Георгіевъ долгъ призналъ, но заявлялъ только, что платить ему нечѣмъ, такъ какъ комендантъ Бухольцъ держитъ его подъ карауломъ съ 28 Октября. Впрочемъ, о. Андреевъ 24 Ноября доносилъ Феодосію, что пошлины взысканы, хотя о. Георгіевъ заявилъ, что уже ихъ платилъ о. Феодорову, но только не взялъ росписки. „А также исковыхъ денегъ платить все равно некому, ибо благородная царевна Марія Алексѣевна и истецъ о. Феодоровъ взяты въ Петербургъ“.

Царевна Марія Алексѣевна по дѣлу царевича Алексѣя Петровича была взята и отправлена въ Шлиссельбургъ, гдѣ „въ 1718 году по повелѣнію Петра I, были построены внутри крѣпости деревянныя свѣтлицы для этой царевны“ *). Свѣтлицы эти были потомъ въ 1720 г. разобраны и отвезены водой въ С.-Петербургъ. Царевна жила въ свѣтлицахъ недолго; изъ доношенія о. Андреева видно, что въ Ноябрь она уже была въ С.-Петербургѣ. Тамъ и скончалась 9 Марта 1723 года въ „домѣ за Фонтанкою“, гдѣ ея высочество жила.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о Феодосіи Яновскомъ, архим. Александро-Невскаго монастыря. Воспитанникъ Кіевской Ака-

*) Лѣтопись Шлиссельбургской крѣпости.

деміи, онъ, пользуясь покровительствомъ митрополита Іова, поступилъ въ 1704 г. архимандритомъ въ Новгородскій Хутынскій монастырь. При частыхъ поѣздкахъ Петра, Ѳеодосій съумѣлъ познакомиться съ Царемъ, который въ 1712 г. назначилъ его строителемъ Александро-Невскаго монастыря. Въ 1721 г. онъ уже былъ архіеп. Новгородскимъ съ оставленіемъ въ званіи архим. Александро-Невскаго монастыря и вскорѣ былъ назначенъ вице-президентомъ Св. Синода. 13 Мая 1725 года лишенъ сана и сосланъ въ Николо-Корельскій монастырь, Архангельской губ., гдѣ и скончался 5-го Февраля 1726 г.

Послѣдніе дни жизни Ѳеодосія были ужасны. 17 Октября 1725 г. графъ Платонъ Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, пріѣхавъ внезапно въ Никольскій монастырь, велѣлъ привести находившагося въ церкви за обѣдной Ѳеодосія. Келья Ѳеодосія была подъ церковью и состояла изъ трехъ отдѣльныхъ комнатъ. Въ одной изъ нихъ и жилъ Ѳеодосій. Мусинъ-Пушкинъ распорядился окно въ его кельѣ заложить кирпичомъ, оставивъ только окошечко въ четверть аршина. Деревянный полъ выломали, платье и бѣлье отобрали, оставивъ только то, что было на немъ. Затѣмъ графъ заперъ двери замкомъ и приложилъ печать, учредивъ у дверей караулъ изъ солдатъ. Пищу подавали узнику въ это маленькое окошко. И такъ жилъ Ѳеодосій съ 17 Октября 1725 г. въ этой подцерковной тюрьмѣ, безъ печи, безъ пола, страдая отъ голода, холода и нечистоты; и только по предписанію Тайной Канцеляріи Архангельскій губернаторъ Измаиловъ 30 Января 1726 года перенесъ полумертваго Ѳеодосія въ новую, теплую тюрьму и, также запечатавъ, уѣхалъ. 5 Февраля Ѳеодосій умеръ. Тѣло его погребено въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ при Евѡимьевской церкви *).

Такъ кончилъ жизнь всесильный архимандритъ Александро-Невскаго монастыря, вице-президентъ Св. Синода, гроза всего духовенства, оставившій по себѣ далеко нелестную память.

Ростовъ Великій, 1911 Іюля 15.

Андрей Титовъ.

*) „Люди стараго вѣка“ Есипова, II, стр. 234.